

обзорная статья

eLibrary EDN: DARMQT

Государственная пространственная политика современной России: отдельные конституционно-правовые проблемы

Шиндина Анна Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 2716-2596

<http://orcid.org/0000-0001-9924-810X>

a.v.shindina@yandex.ru

Аннотация: Интегральное территориальное построение современной Российской Федерации обоснованно является основой обеспечения реализации национальных целей развития отечественного государства. Формирование самостоятельной экистической политики пространственного развития отечественного государства станет действенным ответом на имеющиеся внешние и внутренние вызовы. Цель – провести конституционно-правовой анализ отдельных вопросов построения пространственного развития России через призму реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Необходимость настоящего исследования обусловлена имеющимися пробелами синергии действующих актов комплексного стратегического планирования, направленных на формирование действенного опорно-узлового каркаса расселения; отсутствием нормативно-правового регулирования вопросов типизации и наименования населенных пунктов; наличием релевантных подходов соотношения терминов *пространство* и *территория*; неоднозначностью применяемых критериев формирования перечня опорных населенных пунктов в регионах России. Методологической основой настоящего исследования выступают признанные общенаучные и частнонаучные методы, применяемые в юридической науке, а также специальные методы научного познания – сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический. В результате был обозначен имеющийся двойственный подход определения термина *опорный населенный пункт*; доказана необходимость имплементации термина *сельская агломерация* в рассматриваемый акт комплексного стратегического планирования; предложены новые критерии отбора опорных населенных пунктов.

Ключевые слова: пространственное развитие, стратегия, каркас расселения, национальные цели, опорный населенный пункт, сельская агломерация

Цитирование: Шиндина А. В. Государственная пространственная политика современной России: отдельные конституционно-правовые проблемы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 346–363. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-346-363>

Поступила в редакцию 27.01.2026. Принята после рецензирования 02.03.2026. Принята в печать 04.03.2026.

review article

State Territorial Policy in Modern Russia: Selected Constitutional and Legal Issues

Anna V. Shindina

Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 2716-2596

<http://orcid.org/0000-0001-9924-810X>

a.v.shindina@yandex.ru

Abstract: Russia's integral territorial structure ensures its development as a unified nation-state. An independent economic policy for the territorial development of the nation-state is an effective response to current external and internal challenges. This article presents a constitutional and legal analysis of Russia's territorial development within the framework of the Spatial Development Strategy through 2030 and 2036. The relevance of the research stems from a number of existing gaps. First, the synergy of current legislative acts reveals gaps in integrated strategic planning, failing to form an effective supportive and nodal framework for public settlement. Second, there is a lack of strict regulation regarding the classification and nomenclature of settlements. Third, the relationship between

the terms *space* and *territory* remains vague, as do the criteria used to compile the list of reference settlements in Russian regions. The research relies on general scientific methods used in legal science, as well as specific methods of scientific cognition, including comparative law, historical legal analysis, and statistical methods. The author identifies an existing dual approach to defining the term *core settlement* and develops a set of more reliable criteria for this type of settlement, while demonstrating the need to integrate the term *rural agglomeration* into integrated strategic planning.

Keywords: territorial development, strategy, settlement framework, national goals, core settlement, rural agglomeration

Citation: Shindina A. V. State Territorial Policy in Modern Russia: Selected Constitutional and Legal Issues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 346–363. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-346-363>

Received 27 Jan 2026. Accepted after review 2 Mar 2026. Accepted for publication 4 Mar 2026.

Введение

Вопросы построения интегрального территориального устройства современной России, безусловно, имеют определенный уровень научной и практической проработки [1, с. 99], однако обусловлены продолжающимися научными исследованиями ввиду принятия Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.¹ (далее – Стратегия), которой имплементируется новое «связующее звено» всего пространственного развития – *опорные населенные пункты*. Действующий документ стратегического планирования определяет *опорные населенные пункты* как населенные пункты, приоритетное развитие которых «способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности»². Указанный подход детерминирует понимание анализируемой Стратегии как некую скрепу действующих документов комплексного стратегического планирования, закладывающих прочный фундамент необходимых преобразований, способствующих формированию действенных ответов отечественного государства существующим внешним и внутренним вызовам³.

На вопросы целостного построения пространственного устройства, не сводящегося «только к определению пространственных границ государства» [2, с. 5], неоднократно обращает внимание С. В. Кабышев. Ученый определяет свою точку зрения не теряющей актуальность позицией В. И. Вернадского о том, что «мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей

территории» [Там же, с. 6] и, будучи «государством-континентом», «страдаем от того, что в действительности является первоисточником нашей силы» [Там же].

Конституционно-правовое исследование пространственного развития невозможно без уяснения термина *пространство*. Вопросы отнесения тех или иных структур к совокупности *пространство* присущи еще античным мыслителям [3] и понимаются в философии через субстанциональный подход, которому свойственно толкование пространства как самостоятельной сущности, развивающейся независимо от специфики протекающих в нем материальных процессов, а также через реляционную концепцию, согласно которой пространство понимается как «совокупность взаимоотношений между действующими в нем субъектами» [4, с. 53]. Обуславливая современную интерпретацию представленных суждений, отметим, что мы отталкиваемся от понимания термина *пространство* в рамках реляционной концепции и солидарны с позицией А. В. Суворовой, которая характеризует *пространство* как среду, «окружающую» материальные объекты, которая воздействует на них, испытывает влияние с их стороны [Там же].

Понимание пространственного развития имеет первоочередную и взаимообуславливающую связь с территорией. Однако термины *пространство* и *территория* не являются тождественными. Пространство понимается шире и включает

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. *СЗ РФ*. 2025. № 2. Ст. 74.

² Там же.

³ Например: О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. *СЗ РФ*. 2024. № 20. Ст. 2584; Стратегия национальной безопасности РФ (О Стратегии национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. *СЗ РФ*. 2021. № 27. Ст. 5351; Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. *СЗ РФ*. 2017. № 20. Ст. 2902; Стратегии научно-технологического развития РФ (Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. *СЗ РФ*. 2025. № 2. Ст. 74).

в себя «как собственно физическое пространство (территорию), так и его географическое поле (географические взаимосвязи)» [5, с. 131]. С точки зрения конституционной науки стоит привести мнение Н. С. Бондаря, который рассматривал «понимание конституционной природы территории – и как материальной основы, и как пространственного предела осуществления публичной власти, реализации юрисдикционного суверенитета» [6, с. 11]. Уясняя, что изучаемая нами Стратегия определяет именно пространственное развитие территории отечественного государства, стоит отметить, что и в данном подходе существуют различные подходы. Например, Е. Е. Лейзерович указывает, что «прилагательное "пространственное" излишне в этом словосочетании, так как развитие территории и так предполагает наличие определенного пространства» [7, с. 68]. В свою очередь, С. А. Тархов обозначает, что пространственное развитие является составной частью территориального развития [8, с. 26]. На указанную разрозненность обращает внимание А. В. Суворова: она пишет, что «территориальное развитие включает в себя развитие пространственное (т. е. является более широкой категорией), однако термин "территория" несколько уже, чем термин пространство» [9, с. 93]. Учитывая имеющиеся релевантные подходы и применяя их в современной действительности, полагаем допустить рассмотрение терминов *территория* и *территориальное развитие* как составную часть пространства и пространственного развития. Считаем, что указанный подход способствует построению сбалансированного пространственного развития, не ограниченного только территориальными границами. Кроме того, он ориентирован и на заложенные приоритеты пространственного развития рассматриваемой Стратегии: транспорт (виды современного транспорта способствуют пониманию пространства шире территории); энергетика (ее развитие распространяется в целом на понимание термина *пространство*); экология, природопользование и адаптация к изменению климата (бесспорно, экологическое «направление» имеет широкое распространение и выходит за пределы только территории); информационно-телекоммуникационная инфраструктура и связь (развитие способов связи также обязует рассматривать построение пространственного развития, не опираясь только на термин *территория*).

Цель исследования – провести конституционно-правовой анализ отдельных вопросов построения пространственного развития Российской Федерации через призму реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.

Методы и материалы

Методологической основой настоящего исследования выступают признанные общенаучные и частнонаучные методы, применяемые в юридической науке, а также специальные методы научного познания – сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический. Работа основана на анализе источников российского права, в частности документов государственного стратегического планирования, а также на эмпирической базе отечественных и зарубежных исследователей. Выводы базированы на результатах признанных научных исследований в области доктринального понимания территории, пространственного развития и целостности государства.

Результаты

Употребление термина *пространственное развитие* относительно территориального развития в широком смысле имеет экономическое начало – в 1826 г. немецкий экономист И. Г. фон Тюнен впервые ввел понятие *пространственное развитие* в своей работе «Изолированное государство» [10; цит. по: 11]. Современная имплементация термина *пространственное развитие* снова начинает свой путь в Германии. Так, в 1930-х гг. В. Кристаллер выявил закономерности в отношении числа, размера и пространственного рассредоточения населенных пунктов, выполняющих функции в сфере торговли и услуг [цит. по: 11, с. 148]. Таким образом, была обоснована концепция центральных мест, служивших некими «опорными пунктами» (субъекты третичного сектора), которые находились на небольшом отдалении друг от друга, и на их «площадке» рационально определялись вопросы «насыщенности» определенными функциями [12, с. 207] в рамках построения равномерности пространственной организации и равенства социальных и экономических условий для населения исследуемой территории. Стоит отметить, что «центральным» принципом построения модели пространственного развития В. Кристаллер обозначал территориальную удаленность – около 20 километров между населенными пунктами. В последующем ученый говорил о том, что данная модель не может быть широко применима в международной практике [13], однако данный принцип территориальной доступности важен при последующем анализе построения пространственного развития современной России [14, с. 49].

Говоря об отечественном опыте, стоит отметить, что в 1970-х гг. некой адаптацией рассмотренной теории В. Кристаллера стало формирование концепции опорного каркаса расселения в отношении сельских территорий с относительно низкой плотностью населения, а также к очаговому заселению, характерному для Арктических территорий, Центральной

и Восточной Сибири [15, с. 143]. К сожалению, указанная работа не стала постоянной в проводимой государственной деятельности, и после 1980-х гг. концепции построения опорного каркаса расселения в связи с социально-политическими изменениями в государстве уделялось гораздо меньше внимания, кроме этого, до 2021 г. она рассматривалась в приоритетном развитии крупных городских агломераций [16, с. 68]. Стоит отметить, что Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.⁴ во многом определяла пространственное развитие через построение городских агломераций [17, с. 192; 18, с. 21] и развитие крупных центров экономического роста и не уделяла должного внимания вопросам организации сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики посредством развития сельских населенных пунктов [19, с. 58].

Необходимость формирования действенного опорного каркаса расселения современной России, выраженная в проработке предложения введения опорных населенных пунктов как инструмента достижения принципа сбалансированного пространственного развития отечественного государства, закрепленного в рассматриваемой Стратегии, обусловлена следующими факторами, с которыми сталкивается отечественное государство:

- деформация каркаса расселения населения после распада СССР: часть регионов, которые не были приграничными, стали таковыми (Алтайский край, Новосибирская, Омская, Тюменская области и др.), был сформирован полуэксклав (Калининградская область);
- вхождение новых территорий и необходимость их интеграции в проводимые трансформационные процессы современной России;
- проведение специальной военной операции и обусловленность закрепления процессов демилитаризации;
- отсутствие современной практики построения моделей расселения, направленной на выработку оптимальной модели пространственного развития, основанного на политике оптимизации национальной системы расселения с учетом реализации принципа сбалансированного пространственного развития и нивелирования негативных тенденций пространственного сжатия.

Поиск формирования организационно-правовых основ производимых преобразований логично начать с анализа существовавших теорий построения моделей пространственного развития, предложенных в период СССР. Стоит отметить, что большая

часть существующих исследований государственного пространственного развития опирается на идеи В. Кристаллера [20, с. 36; 21, с. 209]. Вместе с тем советскими исследователями были предложены иные подходы построения опорного каркаса расселения. Например, О. К. Кудрявцев отстаивал идею формирования опорного каркаса расселения через построение «главной полосы расселения» [цит. по: 22, с. 21], логика организации которой формировалась вдоль Транссибирской магистрали. Указанная идея нашла свое продолжение в концепции линейного расселения, предложенной И. Г. Лежавой. Данная концепция имеет схожие черты с современной системой городских агломераций. Так, И. Г. Лежава основным элементом пространственного развития обозначает линейные города, которые концентрируются на продольной оси вдоль Транссибирской магистрали [23]. Однако автор предлагает включать не только продольное, но и поперечное сечение, а именно формирование неких «слоев» линейной структуры с расстоянием между ними в 10–15 км: техническая зона, зона интенсивного освоения природы и жизни человека, шадящая природу зона и зона нетронутой природы [24, с. 21]. Вторым подходом рассматриваемого периода является концепция согласованного агломерационного развития (кластерно-сетевое расселение) Г. С. Юсина, согласно которой расселение осуществляется вокруг кластеров, в которых происходит интенсификация межселенных связей и формирование многоядерной системы центров расселения, их интеграция в каркас сетевого типа [цит. по: 25, с. 20]. Указанные приемы построения пространственного развития важны, но они все же не формируют действенного ответа на построение государственной политики пространственного развития [26, с. 127], ведь ни линейный подход, ни кластерная концепция не отвечают потребностям, заложенным в анализируемой Стратегии обеспечения национальной безопасности и формирования целостного сбалансированного пространственного развития. Таким образом, обозначенная проблематика детерминирует обоснованность проведения комплексного анализа сформулированной в Стратегии идеи формирования опорно-узлового каркаса расселения.

Обращаясь к мировой практике, стоит отметить опыт Китая, где реформирование моделей расселения происходило в 1990-х гг. в формате сельской индустриализации, которая заложила основу интеграции деревни и города. Указанная работа не была случайной и была обоснована похожими с современной Россией процессами. Например, стремительный

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022). *СЗ РФ*. 2019. № 7. Ст. 702. (Документ утратил силу.)

рост городского населения посредством оттока населения из сельских территорий [27, с. 185]. Стоит отметить, что власти Китая формируют поселенческий каркас, активно развивая и трансформируя сельские населенные пункты. Например, «процесс концентрации производства в сельских промышленных центрах привел к формированию на их основе малых городов» [28, с. 20]. Возможно, указанная практика будет полезной для формирования целостного каркаса расселения современной России в аспекте нивелирования процессов негативных тенденций пространственного сжатия. Вместе с тем необходимо понимать, что современное общество не может развиваться в привычных границах сельского хозяйства [29, с. 48], а требует интеграции проводимых трансформационных процессов цифровизации (в том числе при предоставлении муниципальных услуг), развития социальных функций государства и интегрального построения современного общества с позиции целостного понимания института сельской урбанизации.

Справедливо считать, что обоснование необходимости формирования опорных населенных пунктов исходит из следующих положений:

- существующие угрожающие темпы пространственного сжатия малых населенных пунктов актуализируют создание мелкодисперсной системы расселения [30], способствующей равномерному расселению населения в том числе на приграничных районах и стратегически важных территориях;
- необходимость организации концентрации рабочей силы исходя из задач реализации продовольственной и национальной безопасности посредством синтеза человекоцентрированного подхода в процесс формирования принципов построения опорных населенных пунктов [31, с. 101];
- выделение новых форм организации публичной власти в рамках проводимого реформирования публичного администрирования [32, с. 170].

Во исполнение положений действующей Стратегии президиумом Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ был утвержден «Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации»⁵ (далее – Единый перечень). В него вошли 2160 различных населенных пунктов. Безусловно, позитивным выступает тот факт, что в довольно ограниченные сроки был сформирован большой документ, включающий в себя в том числе небольшие населенные пункты,

расположенные на всей территории России, однако отдельные аспекты, выявленные при формировании Единого перечня, вызывают ряд вопросов и опасений.

Идея государственного дифференцирования населенных пунктов уже имела место в период существования СССР, когда проводилась политика, «направленная на борьбу с миграцией из села в город путем совмещения методов по ликвидации "неперспективных деревень"» [33, с. 119]. Данная работа, в первую очередь, ориентировалась на развитие территорий Нечерноземья. К сожалению, указанная деятельность не только не принесла ожидаемых результатов, но и стала тем самым фактором, в результате которого «неперспективные» поселки были погружены в «рукотворную» неблагоприятную среду их жизнедеятельности, что «привело к сокращению общего числа населенных пунктов (на примере Нечерноземья за 1970-е гг. этот показатель численности населенных пунктов на сельских территориях упал на 17 %)» [34, с. 434].

Видится, что несмотря на высокую государственную заинтересованность в развитии обозначенных в Едином перечне населенных пунктов [35, с. 11], не стоит «забывать» и об иных населенных пунктах в рамках исполнения принципа сбалансированного пространственного развития страны, ведь включенные в Единый перечень населенные пункты составляют только 1,4 % от общего количества населенных пунктов в современной России. Вместе с тем в настоящее время заметна тенденция вымирания малых сельских поселений. Как отмечает А. Н. Диденко, «уже сейчас 24751 село не имеет постоянных жителей. На подходе еще 66027 сел с населением менее 50 жителей... Этим существенно ослабляется пространственный поселенческий каркас страны, в котором поселки и села играют ту скрепляющую роль, которую песок и мелкий гравий играют в бетоне» [36, с. 18].

С большой долей вероятности одним из вариантов устранения данного риска выступают: совершенствование технико-юридического закрепления рассматриваемых дефиниций в действующих актах стратегического развития; комплексный анализ методических рекомендаций по критериям определения населенных пунктов с последующей детальной проработкой необходимых корректировок; осмысление вопроса интеграции сельских агломераций в рассматриваемую Стратегию.

Первостепенно стоит обратить внимание на некоторую противоречивость сформулированной идеи

⁵ Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. *Министерство экономического развития РФ*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennykh_punktov_rf/ (дата обращения: 08.01.2026).

авторов Стратегии, в результате которой в рассматриваемом акте стратегического планирования мы вновь встречаем закрепление термина *городская агломерация*, но не находим фиксации термина *сельская агломерация*, хотя подход, направленный на образование таких форм, весьма коррелируется с закреплением в Стратегии «опорных населенных пунктов с прилегающими территориями» [37, с. 218]. Как отмечают Ю. В. Савельев и коллеги, определение опорных населенных пунктов с прилегающими территориями, по сути, является сельской агломерацией [38, с. 10].

Термин *опорный населенный пункт* впервые использован в 2021 г. в рамках стратегии «Агрессивное развитие инфраструктуры» [39, с. 125], в последующем было принято Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий»⁶ (далее – методические рекомендации), определившее критерии отнесения населенного пункта к *опорному населенному пункту*. Широкое применение рассматриваемого термина также обусловлено его интеграцией в федеральный проект «Развитие субъектов Российской Федерации и отдельных территорий», входящего в состав государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁷ и «Комплексное развитие сельских территорий»⁸ (далее – государственная программа), и детерминировано в том числе посредством развития сельских агломераций. Указанная государственная программа под сельскими агломерациями устанавливает «совокупность опорного населенного пункта и прилегающей территории, определенных высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации или исполнительным органом субъекта Российской Федерации, уполномоченным высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, с учетом методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих

территорий, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р»⁹. Получается, что законодатель соотносит опорный населенный пункт и сельскую агломерацию как часть и целое, исключает возможность формирования сельских агломераций без включения в таковые опорных населенных пунктов.

Стоит отметить, что понимание термина *сельская агломерация* было радикально изменено Постановлением Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»¹⁰, вместе с тем в рамках исполнения положений ранее действующей редакции государственной программы субъектами Российской Федерации сформированы перечни сельских агломераций, и сейчас общее число сельских агломераций, содержащихся в перечнях сельских агломераций субъектов Российской Федерации, составляет не менее 2500 единиц [40]. Например, только в Московской области создана 41 сельская агломерация, в которую входит 5921 сельский населенный пункт¹¹.

Обостряет понимание и логику построения единого государственного подхода и тот факт, что действующая «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.»¹² не содержит закрепления термина *сельская агломерация*, хотя данный акт напрямую соотносится с указанной выше государственной программой и является основой в формировании и развитии сельских территорий современной России [41].

Понимая, что на сегодня толкование термина *сельская агломерация* является дискуссионным как в науке [41–43], так и в приведенной выше практике, и ограничиваясь границами настоящего исследования, мы остановимся только на фактах, подкрепляющих наши суждения. Например, в 2025 г. за счет средств целевого капитала фонда «Институт экономики города» был проведен аналитический отчет «Сельские агломерации в контексте системы опорных населенных пунктов Российской Федерации»,

⁶ Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р (ред. от 27.08.2025). *СЗ РФ*. 2023. № 1. Ст. 357.

⁷ Об утверждении государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 24.12.2025). *СЗ РФ*. 2014. № 18. Ст. 2162.

⁸ Об утверждении государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ. Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696. *СЗ РФ*. 2019. № 23. Ст. 2953.

⁹ Там же.3.

¹⁰ О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ. Постановление Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876. *СЗ РФ*. 2025. № 48. Ст. 7337.

¹¹ Об утверждении Перечня населенных пунктов Московской области, входящих в состав сельских агломераций Московской области. Распоряжение Минсельхозпрода МО от 19.04.2021 № 19РВ-139 (ред. от 27.10.2025). *ИПП Гарант*.

¹² Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. *СЗ РФ*. 2015. № 6. Ст. 1014.

в котором были выделены типы сельских агломераций, сформированных региональной практикой путем принятия региональных программ во исполнение действующей государственной программы: «"сельские агломерации – районы" (определены на основе ячеек административно-территориального деления "районного" уровня); "сельские агломерации – сельсоветы" (определены на основе низовых ячеек административно-территориального деления); "сельские агломерации – пригороды" (определены на основе города и примыкающих населенных пунктов); "сельские агломерации – населенные пункты" (определены на основе единственного населенного пункта)»¹⁵.

В настоящее время в научном сообществе представлены следующие подходы понимания сельских агломераций. Первый предполагает их понимание через функциональный параметр: П. Д. Косинский и коллеги определяют сельскую агломерацию как «форму организации жизнедеятельности нескольких сельских поселений или групп поселений в рамках ограниченной территории, объединенных общими трудовыми, финансовыми, материальными, информационными ресурсами на взаимовыгодном и эффективном их использовании, представляющую собой сложную социально-экономическую систему, имеющую интенсивные внутренние связи» [44, с. 452]. Указанный подход основан на наличии важнейшего компонента для обеспечения функционирования единой деятельности – общей инфраструктуры [45, с. 99], однако он является довольно обширным, не подкрепляющим особенности организационно-управленческой основы сельских агломераций. Второй подход – «управленческий» способ понимания сельских агломераций, основу которого составляет социально-экономическое развитие сельской территории: как пишут Н. А. Клепцова и А. Е. Меньшова, «сельские агломерации представляют собой территориальное образование, где основой объединения являются экономические и производственные взаимоотношения, социальная инфраструктура с целью обеспечения ее развития, сельской экономики и улучшения социальных условий на селе» [44, с. 513].

Вместе с тем делимитация сельских агломераций требует установления единых методов формирования таковых территорий; понимания ядра / центра территории и условия его / ее территориальной связанности с иными территориями агломерации; определения количества жителей сельской агломерации; перечень объектов социальной

инфраструктуры и органов публичной власти, необходимый для обеспечения жизнедеятельности населения. Стоит отметить, что вопрос рассмотрения городских агломераций также является одним из актуальных в современной юридической дискуссии [46, с. 146; 47, с. 41; 48, с. 215–216], вместе с тем при формировании сельских агломераций необходимо использовать практику оценки степени территориально-экономической связанности, применяемой при формировании городских агломераций. Например, Е. О. Миргородская выделяет пять методов, позволяющих выявить и оценить степень подобной территориально-экономической связанности: пространственная концентрация на основе индекса Тейла; исследование региональной контактно-гравитационной среды территории; комплексная оценка вариации показателей муниципальных образований на основе индекса Джини; делимитация агломерации на основе транспортных взаимосвязей между городами; исследование взаимодействия городов как хозяйствующих субъектов [49, с. 7]. Стоит отметить, что интеграция опыта городских агломераций в подобные территориальные образования в сельских местностях не может быть абсолютной.

Беря во внимание понимание сельской агломерации, закрепленной в государственной программе, логично возникает предположение, что таким ядром / центром будет выступать опорный населенный пункт, а его прилегающая территория будет определять границы сельской агломерации. Указанный подход обращает внимание на еще один не проработанный в настоящее время механизм относительно определения опорных населенных пунктов – их необходимое количество в рамках каждого субъекта Российской Федерации исходя из принципа связанности, обеспечения национальной безопасности, построения продовольственной безопасности и прочих стержневых показателей развития государства [50, с. 56]. Так, проведенный детальный авторский анализ численности опорных населенных пунктов в рамках каждого субъекта и округа позволил выявить ряд регионов с низким количеством населенных пунктов, включенных в Единый перечень: Ненецкий автономный округ – 1 опорный населенный пункт, Тюменская область – 3, Тульская область и Республика Ингушетия – по 8. Проецируя имеющуюся практику построения сельских агломераций, возникает вопрос качественной проработки идеи государственного развития на указанных территориях. При этом Республика

¹⁵ Аналитический отчет «Сельские агломерации в контексте системы опорных населенных пунктов Российской Федерации». 2025. С. 34. URL: https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/selskie_aglomeracii_v_kontekste_sistemy_opornyh_naselennyh_punktov_rossiiskoi_federacii.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

Башкортостан имеет 62 опорных населенных пункта в Едином перечне, а Алтайский край – 66. Отметим, что развитие субъектов должно быть дифференцировано, но указанный разрыв в количестве опорных населенных пунктов объяснить довольно сложно, а выявленный пробел построения инфраструктурного каркаса региона ставит под сомнение устойчивость и связанность всего пространственного развития. Построение подхода пространственного развития во многом отталкивается от теорий и концепций, в основе которых находятся идеи равномерности пространственной организации и равенства социальных и экономических условий [51, с. 70; 52, с. 111].

Отталкиваясь от новой модели *сельская агломерация – опорный населенный пункт*, необходимо обратить внимание и на процесс формирования сельских агломераций и опорных населенных пунктов [53, с. 41]. Так, согласно положениям государственной программы, перечень сельских агломераций на территории субъекта Российской Федерации определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ или уполномоченным органом¹⁴. В свою очередь, Единый перечень опорных населенных пунктов утвержден президентом Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации. Считаем возможным предложить единый подход определения указанных территориальных образований: *перечень опорных населенных пунктов и сельских агломераций определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ или уполномоченным органом и направляется на утверждение в президиум Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации*. Указанное предложение обусловлено наличием определенных коллизий в настоящем закреплении рассматриваемых территориальных образований. Например, один из выводов приведенного выше аналитического отчета – положение, согласно которому «субъектами Российской Федерации перечни сельских агломераций носят в большинстве своем "административный" и, в конечном счете, производный характер и не опираются на объективные характеристики территорий»¹⁵.

Говоря о технико-юридическом закреплении, стоит отметить некоторые неточности в действующих актах стратегического развития отечественного государства. Так, понимая особую роль транспорта как одного

из факторов пространственного развития территории [54, с. 81; 55, с. 1777], считаем необходимым привести в соответствие применяемый термин *опорные населенные пункты*, используемый в Распоряжении Минтранса России от 22.04.2025 № РС-84-р «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке программ развития (модернизации) общественного транспорта в субъектах Российской Федерации»¹⁶.

Позитивным выступает тот факт, что уже ведется работа по корректировке технико-правового регулирования базовых документов стратегического планирования пространственного развития. Например, в Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 27.08.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» Постановлением Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» были внесены изменения, и теперь «понятия "опорный населенный пункт" и "прилегающая территория", используемые в Программе, соответствуют понятиям, предусмотренным Стратегией пространственного развития»¹⁷.

Кроме того, понимание системы опорных населенных пунктов как основы пространственного развития Российской Федерации [56, с. 27; 57, с. 40] обуславливает закрепление термина *опорный населенный пункт* и в Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.». Думается, что в настоящее время в современной России действует достаточное количество документов комплексного стратегического планирования, поэтому сейчас стоит задача их синхронизации и упорядочивания в аспекте максимальной связи в обеспечении реализации национальных целей.

Важным подвопросом понимания опорных населенных пунктов выступает анализ положений методических рекомендаций исходя из текста рассматриваемой Стратегии. Мы понимаем соотношение Стратегии и методических рекомендаций как целого и его части с учетом того, что часть не может противоречить целому, а признана обеспечивать его комплексную реализацию. Однако существует проблематика закрепленных в методических

¹⁴ Об утверждении государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий»...

¹⁵ Аналитический отчет «Сельские агломерации в контексте системы опорных населенных пунктов Российской Федерации»... С. 45.

¹⁶ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке программ развития (модернизации) общественного транспорта в субъектах РФ. Распоряжение Министерства транспорта РФ от 22.04.2025 № РС-84-р. *ИПП Гарант*.

¹⁷ О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ...

рекомендациях подходов к определению критериев отбора опорных населенных пунктов и их соответствия населенным пунктам, вошедшим в Единый перечень [58, с. 87] (табл.).

На наличие определенных противоречий действующих методических рекомендаций обращает внимание и И. А. Секушина, по мнению которой после утверждения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов только возросла актуальность поиска критериев и новых способов их выделения [59, с. 170]. Например, Е. В. Орлов предлагает «перейти от критериев, предполагающих дихотомическую оценку, к балльной системе, учитывающей проявленность каждого фактора, которая, например, может оцениваться по шкале от 0 до 10 с шагом 1» [60, с. 63], а также помимо опорных населенных пунктов ввести термин *кандидат в опорные населенные пункты*.

Не обращаясь к частным показателям, на поверхности анализа методических рекомендаций выступает тот факт, что критериями охватываются только такие показатели, как территориальная концентрация, численность населения, территориальная доступность, социальные объекты, коммунальные и коммуникационные особенности, государственные и муниципальные услуги, финансовый и торговый секторы. Некоторые авторы отмечают недостаточную проработанность отнесения объектов, направленных на реализацию конституционного принципа социального

государства [61, с. 92; 62]. Мы же находим определенное противоречие в отсутствии критериев, формирующих исполнение такой национальной цели развития, как экологическое благополучие, хотя рассматриваемая Стратегия к основным направлениям и задачам пространственного развития Российской Федерации [63, с. 176] относит формирование «территорий экологического благополучия посредством реализации мероприятий по сохранению и восстановлению природной среды, обеспечению качества окружающей среды, необходимого для комфортной и безопасной жизни человека, а также устойчивого развития экономики»¹⁸. По мнению Е. И. Артемовой и коллег, «новая классификация населенных пунктов должна обеспечить дифференцированный подход к инструментам государственной поддержки развития территорий, которые должны учитывать специфику системы расселения, демографический прогноз, уровень социально-экономического развития территории, а также ее экологическую ситуацию» [64, с. 171].

Таким образом, логично предложить исключить из действующих методических рекомендаций пункты «б», «д», «е», «ж» ч. 2, строго ограничивающие критерии определения опорного населенного пункта.

В качестве промежуточного вывода стоит предположить, что общим подходом выделения опорных населенных пунктов может быть интегральный принцип, включающий в себя следующие компоненты:

Табл. Сравнение текста методических рекомендаций и содержания Единого перечня
Tab. Methodological recommendations vs. Unified list

Текст методических рекомендаций	Содержание Единого перечня
П. «б» ч. 2: не является административным центром субъекта Российской Федерации; п. «в» ч. 5: не входит в установленном порядке в границы (состав) городской агломерации	212 населенных пунктов, в том числе все агломерации и административные центры регионов ¹⁹
П. «д» ч. 2: не является наукоградом	9 наукоградов: г. Бийск, г. Обнинск, г. Королев, г. Реутов, г. Фрязино, г. Серпухов, г. Черноголовка, р.п. Кольцово, г. Мичуринск
П. «е» ч. 2: не располагается на территории закрытого административно-территориального образования	74 крупнейших по численности населения населенных пунктов в составе Закрытых административно-территориальных образований
П. «ж» ч. 2: численность постоянного населения в границах опорного населенного пункта на 1 января года, предшествующего принятию решения о предоставлении мер государственной поддержки, составляет не более 50 тыс. человек	Логично предположить, что как минимум большинство административных центров регионов превышают этот показатель

¹⁸ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г...

¹⁹ Перечень опорных населенных пунктов более чем наполовину состоит из малых городов и сел. *Фонд развития территорий*. 28.04.2025. URL: <https://фрт.рф/news/perechen-opornykh-naselennykh-punktov-bolee-chem-napolovinu-sostoit-iz-malykh-gorodov-i-sel/> (дата обращения: 08.01.2026).

- социальная политика (демографический потенциал; наличие замкнутой образовательной экосистемы в регионе; обеспеченность объектами культуры и здравоохранения; уровень удовлетворения населения предоставляемыми государственными и муниципальными услугами);
- географические особенности региона (приграничная территория; особое стратегическое значение; отдельная роль в обеспечении вопросов национальной безопасности; сложность природного ландшафта; статус порта);
- экономический потенциал (наличие градообразующих предприятий; инвестиционная привлекательность; возможности развития туристической базы; транспортная связанность);
- экологическое благополучие (необходимость обеспечения работы, направленной на ликвидацию свалок, очистку воздуха и водоемов, создание экономики замкнутого цикла и сохранение биоразнообразия).

Вместе с тем генеральной идеей в принятии решения о количестве опорных населенных пунктов должен оставаться принцип построения целостного сбалансированного развития современной России, в котором особую роль играет связанность территории (опорно-узловая система расселения) [65, с. 27].

Понимая, что введенные опорные населенные пункты по своей сути являются «еще одним типом территорий с дополнительной государственной и муниципальной поддержкой» [66, с. 78], и в силу различий как административно-территориального устройства, так и нормативно-правового регулирования, а также ввиду различного вида функций и задач, свойственных опорным населенным пунктам, так-вые территориальные объединения нуждаются в различных сценариях интеграции в существующую правовую действительность [67]. Стоит отметить, что рассматриваемой Стратегией определены критерии отбора, на основании которого населенный пункт был включен в Единый перечень²⁰. Имеющиеся критерии отбора логичным образом предполагают

подразделение опорных населенных пунктов на два больших типа: городские агломерации и сельские агломерации. Указанное обуславливает проведение мониторинговых показателей и корректировку положений Стратегии (в ее тексте закрепляется создание центра пространственного анализа), эффективность которых не может быть единой для городских и сельских агломераций [68]. На особый сценарий интеграции сельских территорий, например в вопросах проводимой цифровой трансформации, неоднократно обращало внимание научное сообщество [69; 70].

Понимая необходимость исполнения всех положений рассматриваемой Стратегии, стоит предложить расширить критерии включения населенных пунктов в Единый перечень опорных населенных пунктов, а также систематизировать опорные населенные пункты, опираясь на обозначенные ранее критерии отбора (городские и сельские). Дополнительными критериями по включению населенных пунктов в опорные могут стать:

- населенные пункты, обеспечивающие транспортную связанность с административными центрами соответствующих регионов, опорными населенными пунктами и приграничными районами дружественных государств, в том числе в Арктическом бассейне;
- населенные пункты, имеющие в своем составе индустриальные (промышленные) парки и промышленные технопарки с учетом приоритета развития геостратегических территорий Российской Федерации, территорий с высоким потенциалом повышения глубины переработки сырья;
- территории с высоким рекреационным потенциалом, включая реализацию проекта «Пять морей и озеро Байкал».

Новеллой построения предложенной Стратегией пространственного развития выступает «компромиссная модель, основанная на поддержке территорий с недоиспользуемым потенциалом экономического

²⁰ См. столбец 5 Единого перечня: входит в состав городской агломерации и обеспечивает национальную безопасность; входит в состав городской агломерации и основная функция населенного пункта состоит в обслуживании критически важной инфраструктуры; входит в состав городской агломерации и реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории; входит в состав городской агломерации и численность населения превышает 1 % от численности населения ядра агломерации; входит в состав городской агломерации и численность населения превышает 100 тыс. чел.; входит в состав городской агломерации и численность населения превышает 5 % от численности населения ядра агломерации; входит в состав городской агломерации и является крупнейшим по численности населения населенным пунктом в городском округе, которому присвоен статус наукограда; иной населенный пункт, обеспечивающий национальную безопасность; крупнейший по численности населения населенный пункт в городском округе, которому присвоен статус наукограда; крупнейший по численности населения населенный пункт в приграничном муниципальном образовании, обеспечивающий безопасность государственной границы; крупнейший по численности населения населенный пункт в составе ЗАТО; населенный пункт, который является основным центром предоставления социальных услуг для одного или нескольких муниципальных образований, определенный высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации; основная функция населенного пункта состоит в обслуживании критически важной инфраструктуры; реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории; статус административного центра субъекта РФ; является ядром городской агломерации (численность населения города свыше 100 тыс. чел. при наличии в часовой транспортной доступности не менее двух городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел.).

роста, которая предполагает расширение перспективного пространства» [71, с. 15]. В силу указанного обоснованным видится расширение перечня опорных населенных пунктов таким критерием, как *населенные пункты (включая моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, поддержку которых необходимо выстраивать исходя из рискориентированного подхода.*

Дополнительной экспансией критериев опорных населенных пунктов является решение вопроса не только отнесения наукоградов к опорным населенным пунктам, но и применение современных критериев выделения опорных населенных пунктов с высоким научным и научно-технологическим потенциалом (например, федеральная территория «Сириус», инновационные научно-технологические центры, инновационный центр «Сколково» и др.). Действенная проработка указанного вопроса гармонично отражается в разработке идей, направленных на трансформацию законодательства о науке [72–75], а также позволит «интегрировать пространственные приоритеты в состав отраслевых задач» [76, с. 5].

Также стоит отметить, что реализация пространственной политики конкретным опорным населенным пунктом будет реализована посредством разработки мастер-плана, по своей сути являющимся индивидуально направленным актом комплексного стратегического развития конкретного опорного населенного пункта²¹. Указанная работа подчеркивает необходимость «согласованного развития всех населенных пунктов в составе агломерации на основе согласованной системы документов» [77, с. 71]. Осложняется указанный процесс несколькими факторами:

Во-первых, подобная работа уже предусмотрена в рассматриваемой государственной программой части: «Для достижения целей и реализации задач документов стратегического планирования, а также приоритетов и целей государственной политики в сфере реализации Программы исполнительными органами субъектов Российской Федерации утверждаются долгосрочные планы социально-экономического развития опорных населенных пунктов и прилегающих территорий на период до 2030 года»²². Подвопросом является то, что в состав утвержденных Единым перечнем опорных населенных пунктов уже вошли 113 населенных

пунктов в составе городской агломерации. Вместе с тем управление городскими агломерациями осуществляется в том числе посредством принятия стратегических планов развития городских агломераций. Возникает вопрос удвоения аналогичных видов работ.

Во-вторых, в действующем законодательстве отсутствует нормативно-правовая типизация населенных пунктов, толкование определения *населенный пункт* не закреплено и на федеральном уровне. Его понимание осуществляется через общую нормативную регламентацию «городских и сельских населенных пунктов»²³, а также закрепление видов муниципальных образований: «1) городской округ; 2) муниципальный округ; 3) внутригородское муниципальное образование города федерального значения»²⁴. Безусловно, при организации административно-территориального устройства важно учитывать географические, климатические, экономические, культурные и иные особенности, но вместе с тем при проведении работы, направленной на построение единого пространственного развития, логичнее работать в обозначенных пределах и границах такового устройства. Думается, что в рамках нового Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» возможно предусмотреть более детальное и широкое закрепление типов населенных пунктов. Другим подходом в решении данного вопроса является позиция А. Н. Диденко: «Необходим федеральный закон об общих принципах организации административно-территориального деления в России, в котором должны быть даны легальные определения населенных пунктов, их видов и подвидов, определены параметры численности населения и его плотности в границах населенного пункта» [36, с. 18]. Считаю, что обозначенная проблематика остро актуальная и нуждается в детальной проработке [78], поэтому логично предположить, что решение вопроса нормативно-правовой синхронизации планов инфраструктурного развития [79] станет одним из ключевых в едином понимании таковых стратегических документов. Аналогичной позиции придерживается и М. С. Шайхуллин: он пишет, что «повысится степень исполнения нормативно-правовых актов

²¹ Неверова О. В Послании президента России Федеральному собранию 2024 г. важность выделения опорных населенных пунктов была подчеркнута задачей разработки для 200 ОНП специальных мастер-планов. RG.RU. 06.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/06/zaglanutv-zavtra.html> (дата обращения: 10.01.2026).

²² Об утверждении государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий»...

²³ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025). СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

²⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ. СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

в сфере стратегического планирования, имеющих курс на правовое регулирование модусов и моделей взаимодействия российских регионов и создание условий, снижающих межрегиональные различия в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации» [80, с. 29].

Заключение

Решение вопроса конституционно-правового осмысления модели построения пространственного каркаса современной России необходимо, т. к. от качества проводимых трансформационных процессов [81; 82] зависят как вопросы национальной безопасности, так и вопросы продовольственной безопасности, научно-технологического лидерства и иных национальных целей развития Российской Федерации. Вместе с тем исполнение глобальных задач требует

выработки эффективного правового регулирования для нивелирования имеющихся коллизий: отсутствие единого подхода в понимании опорных населенных пунктов и принципов отнесения населенных пунктов к таковым; дефицит нормативно-правового регулирования определения и типизации населенных пунктов; недостаточная синергия имеющихся документов комплексного стратегического развития в аспекте достижения национальных целей развития.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты. *Власть*. 2022. Т. 30. № 2. С. 95–111. [Markvart E., Kiseleva N. N., Sosnin D. P. The system of central (reference) settlements as a management tool: Theoretical and practical aspects. *Vlast*, 2022, 30(2): 95–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>
2. Кабышев С. В. Институт федеральной территории в системе российской государственности: методология конституционно-правового исследования. *Журнал российского права*. 2025. Т. 29. № 7. С. 5–15. [Kabyshev S. V. The institute of the federal territory in the system of Russian statehood: Methodology of constitutional and legal research. *Journal of Russian Law*, 2025, 29(7): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ziipdx>
3. Джохадзе Д. В. Диалектика Аристотеля. М.: Наука, 1971. 264 с. [Dzhokhadze D. V. *The dialectics of Aristotle*. Moscow: Nauka, 1971, 264. (In Russ.)]
4. Суворова А. В. Пространственное развитие: содержание и особенности. *Journal of New Economy*. 2019. Т. 20. № 3. С. 51–64. [Suvorova A. V. Spatial development: Essence and specifics. *Journal of New Economy*, 2019, 20(3): 51–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxqeev>
5. Марченко М. Н., Бабурин С. Н., Байтин М. И., Бережнов А. Г., Керимов Д. А., Крылов Б. С., Мамут Л. С. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х т. Т. 1: Государство. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2016. 576 с. [Marchenko M. N., Baburin S. N., Baytin M. I., Berezhnov A. G., Kerimov D. A., Krylov B. S., Mamut L. S. *General theory of state and law. Academic course in three volumes. Vol. 1: State*. 4th ed. Moscow: Norma, 2016, 576. (In Russ.)]
6. Бондарь Н. С. Территория как конституционно-правовая категория: единство публично-властных и личностных начал. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2016. Т. 3. № 4. С. 7–14. [Bondar N. S. Territory as a constitutional category: Unity of public and personal elements. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2016, 3(4): 7–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygsmch>
7. Лейзерович Е. Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 1995. № 2. С. 67–74. [Leizerovich E. E. Levels of spatial organization: Economic and geographical analysis. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 1995, (2): 67–74. (In Russ.)]
8. Тархов С. А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа. *География и проблемы регионального развития*, ред. С. С. Артоболевский, Г. А. Приваловская. М.: Институт географии АН СССР, 1989. С. 23–31. [Tarkhov S. A. Concepts of territorial development and methodology of spatial analysis. *Geography and problems of regional development*, eds. Artobolevsky S. S., Privalovskaya G. A. Moscow: Institut geografii AN SSSR, 1989, 23–31. (In Russ.)]
9. Суворова А. В. Особенности измерения социально-экономического пространства в региональных стратегиях развития. *Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических*

- систем: XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26–27 ноября 2020 г.) Уфа: УФИЦ РАН, 2020. С. 91–97. [Suvorova A. V. Features of measuring socio-economic space in regional development strategies. *Problems of functioning and development of territorial socio-economic systems*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 26–27 Nov 2020. Ufa: UFRC RAS, 2020, 91–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jebbta>
10. Тюнен И. Г. Изолированное государство, пер. с нем. Е. А. Торнеус. М.: Экономическая жизнь, 1926. XII. 326 с. [Thünen J. H. *Isolated state*, tr. Torneus E. A. Moscow: Economicheskaya zhizn, 1926, XII, 326. (In Russ.)]
  11. Бахметова А. А., Астанин Д. М. Проблемы пространственного развития Вологодской области. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 11-3. 2021. С. 147–150. [Bakhmetova A. A., Astanin D. M. Problems of spatial development in Vologda oblast. *International Research Journal*, 2021, (11-3): 147–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.103>
  12. Магон Т. С. Эволюция методического аппарата теории центральных мест: возможность применения к реальным системам расселения. *Архитектура и современные информационные технологии*. 2025. № 1. С. 206–215. [Magon T. S. Evolution of the methodological framework of central place theory: Applicability to real settlement systems. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, (1): 206–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-1-206-215>
  13. Christaller W. Central places in Southern Germany. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1996, 230.
  14. Дружинин А. Г., Колосов В. А. Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи. *Проблемы прогнозирования*. 2025. № 4. С. 47–57. [Druzhinin A. G., Kolosov V. A. Spatial development strategy for Russia up to 2030: Innovations and tasks for solution. *Problems of Forecasting*, 2025, (4): 47–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-47-57>
  15. Вардомский Л. Б., Глезер О. Б., Гончаров Р. В. и др. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI. М.: КМК, 2020. 365 с. [Vardomsky L. V., Glezer O. B., Goncharov R. V. et al. *Challenges and policy of Russia's spatial development in the 21st century*. Moscow: KMK Scientific Press, 2020, 365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxaohi>
  16. Евлампиева Е. В. Система опорных населенных пунктов как основа пространственного развития Российской Федерации. *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2025. № 2. С. 66–73. [Evlampieva E. V. System of key settlements as a basis for spatial development of the Russian Federation. *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*, 2025, (2): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gsvyqqs>
  17. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202. [Antonov E. V. Urban agglomerations: Approaches to the allocation and delimitation. *Kontury global'nyh transformacij: Politika, ekonomika, pravo*, 2020, 13(1): 180–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10>
  18. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Мегалополисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2020. № 1. С. 7–25. [Ivanov O. B., Buchwald E. M. Megacities and agglomerations in the system of management and strategic development of territories. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 2020, (1): 7–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10001>
  19. Бухвальд Е. М. Характер и условия реализации программы пространственного развития России. *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 3. С. 57–59. [Bukhvald E. M. Nature and modalities of Russian spatial development program. *Theory and Practice of Social Development*, 2018, (3): 57–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.3.12>
  20. Дмитриев Р. В., Горохов С. А. Теория центральных мест: этапы развития и новые вызовы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*. 2023. № 1. С. 35–43. [Dmitriev R. V., Gorokhov S. A. Central place theory: Stages of development and new challenges. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, 2023, (1): 35–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2023/1/35-43>
  21. Жоголева А. В., Шатрова А. Н. Система центров обслуживания городского населения крупного города в теории Вальтера Кристаллера. *Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство*: 79 Всерос. науч.-технич. конф. (Самара, 18–22 апреля 2022 г.) Самара: СамГТУ, 2022. С. 208–219. [Zhogoleva A. V., Shatrova A. N. The system of service centers for the urban population of a large city in the theory of Walter Christaller. *Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and urban planning*: Proc. 79th All-Russian Sci.-Techn. Conf., Samara, 18–22 Apr 2022. Samara: SSTU, 2022, 208–219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpsjld>

22. Мазаев А. Г. Отечественный опыт оптимизации национальной системы расселения. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2017. № 3. С. 20–25. [Mazaev A. G. Domestic experience of optimization of the national system of settlement. *Akademicheskii Vestnik UralNIiproekt RAASN*, 2017, (3): 20–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjrzcl>
23. Лежава И. Г. Выбор XXI века – линейная структура городских систем. *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*. 2009. № 2. С. 66–69. [Lezhava I. G. The choice of XXI century – linear structure of urban systems. *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2009, (2): 66–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzhghj>
24. Береговских А. Н. Прошлое, настоящее и будущее территориального планирования. *Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура*. 2013. № 31-1. С. 18–25. [Beregovskikh A. N. Past, present and future of territorial planning. *Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Construction and architecture*, 2013, (31-1): 18–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdpawr>
25. Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение. *Известия Академии наук СССР. Серия географическая*. 1983. № 5. С. 16–28. [Lappo G. M. The concept of a basic skeleton of the economic spatial structure: Development, theoretical and practical role. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia geograficheskaiia*, 1983, (5): 16–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdsfwa>
26. Полян П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение. М.: Новый хронограф, 2014. 788 с. [Polyan P. M. *Territorial structures, urbanization, and settlement*. Moscow: Novyi khronograf, 2014, 788. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tayfbz>
27. Ерохин В. Л. Исследование миграционных процессов в сельской местности северного Китая. *Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА*. 2018. № 1. С. 182–196. [Erokhin V. L. Study of migration processes in rural areas of Northern China. *Bulletin of the Moscow University of Finance and Law*, 2018, (1): 182–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orkikp>
28. Баснукаев Х. У. Зарубежный опыт реализации государственной политики пространственного развития. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018. № 6. С. 18–24. [Basnukaev H. U. Foreign experience in implementing state policy of spatial development. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2018, (6): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmpitf>
29. Шпаковский Ю. Г. Устойчивое развитие – новая парадигма сохранения цивилизации. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 1. С. 38–63. [Shpakovskii Yu. G. Sustainable development – a new paradigm for civilization save. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, (1): 38–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whppwn>
30. Одицова А. В. Местное сообщество: проблема институционализации. *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 2. С. 52–63. [Odintsova A. V. Local self-government: Problems of institutionalization. *Issues of Economic Theory*, 2023, (2): 52–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gitinx>
31. Иванова А. А. Особенности формирования организационно-экономического механизма обеспечения продовольственной безопасности. *Продовольственная политика и безопасность*. 2025. Т. 12. № 1. С. 97–122. [Ivanova A. A. Characteristics of organizational and economic food security mechanisms. *Food Policy and Security*, 2025, 12(1): 97–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ppib.12.1.122665>
32. Артемова Е. И., Плотникова Е. В., Литра Е. Н. Опорные населенные пункты как институт комплексного развития сельских территорий. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2025. № 2. С. 169–173. [Artemova E. I., Plotnikova E. V., Litra E. N. Support settlements as an institute of complex development of rural areas. *International Agricultural Journal*, 2025, (2): 169–173. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_2_169
33. Заславская Т. И. Проблемы зональной дифференциации целевых программ развития села. *Советская социология*, ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 117–128. [Zaslavskaya T. I. Problems of zonal differentiation of target programs for rural development. *Soviet sociology*, eds. Ryabushkin T. V., Osipov G. V. Moscow: Nauka, 1982, vol. 1, 117–128. (In Russ.)]
34. Шиндина А. В. Генезис нормативно-правового регулирования устойчивого развития сельских территорий. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 432–441. [Shindina A. V. State regulation of sustainable rural development: Genesis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 432–441. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-432-441>

35. Чеботарева Е. Н. Нормативно-правовой базис обеспечения устойчивого развития сельских территорий. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2025. № 1. С. 10–16. [Chebotareva E. N. The regulatory framework for ensuring sustainable rural development. *Innovative economy: Information, analytics, forecasts*, 2025, (1): 10–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2025.1.1.001>
36. Диденко А. Н. К вопросу о правовой типизации населенных пунктов (город, поселок, сельский населенный пункт). *Конституционное и муниципальное право*. 2025. № 1. С. 16–25. [Didenko A. N. On legal typing of settlements (city, village, rural settlement). *Constitutional and Municipal Law*, 2025, (1): 16–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-1-16-25>
37. Галиновская Е. А., Пономарев М. В., Азимзода А. Ш. и др. Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств – участников СНГ. М.: Инфра-М, 2022. 456 с. [Galinovskaya E. A., Ponomarev M. V., Azimzoda A. Sh. et al. *Legal issues of sustainable spatial development of the CIS member states*. Moscow: Infra-M, 2022, 456. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pidqfp>
38. Савельев Ю. В., Вульфович Р. М., Майборода В. А. Институционально-территориальный аспект создания и развития сельских агломераций в России: оценка рисков и возможностей. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2024. № 8. С. 7–17. [Saveliev Yu. V., Vulfovich R. M., Maiboroda V. A. Institutional and territorial aspect of creation and development of rural agglomerations in Russia: Assessment of risks and opportunities. *Regional problems of transforming the economy*, 2024, (8): 7–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cfiim>
39. Герцберг Л. Я. На пути к сбалансированному пространственному развитию Российской Федерации. *Academia. Архитектура и строительство*. 2024. № 1. С. 122–130. [Gertsberg L. Ya. Towards balanced spatial development of Russian Federation. *Academia. Architecture and Construction*, 2024, (1): 122–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2024-1-122-130>
40. Шамин А. Е., Зуева С. В. Сущность сельских территорий и их роль в региональной и национальной экономике. *Вестник НГИЭИ*. 2021. № 12. С. 117–127. [Shamin A. E., Zueva S. V. The essence and role of rural areas in the regional and national economy. *Bulletin of NGIEI*, 2021, (12): 117–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2021-12-117-127>
41. Муравьева М. В. Сельская агломерация в контексте комплексного развития сельских территорий. *Наука и бизнес: пути развития*. 2021. № 11. С. 171–173. [Muravyova M. V. Rural agglomeration in the context of integrated development of rural areas. *Science and Business: Ways of Development*, 2021, (11): 171–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vemplq>
42. Клепцова Н. А., Меньшова А. Е. Особенности и принципы развития сельских агломераций. *Russian Journal of management*. 2024. Т. 12. № 2. С. 513–523. [Kleptsova N. A., Menshova A. E. Features and principles of development of rural agglomerations. *Russian Journal of management*, 2024, 12(2): 513–523. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2024-12-2-513-523>
43. Гаврилюк М. Н. Сельские агломерации: проблемы формирования правового статуса. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. № 8. С. 57–64. [Gavrilyuk M. N. Rural agglomerations: Problems of formation of legal status. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, (8): 57–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2024-8275-57-64>
44. Косинский П. Д., Меркурьев В. В., Харитонов А. В. Агломерация как инструмент устойчивого развития сельских территорий региона. *Фундаментальные исследования*. 2017. № 9-2. С. 450–454. [Kosinsky P. D., Merkur'yev V. V., Kharitonov A. V. Agglomeration as instrument of sustainable development of rural territories of the region. *Fundamental research*, 2017, (9-2): 450–454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zitucp>
45. Украинский В. Н. Многомерное картографирование и нерешенные методологические вопросы отечественной урбанистики (в приложении к системам расселения Юга Дальнего Востока). *Пространственная экономика*. 2025. Т. 21. № 1. С. 84–111. [Ukrainsky V. N. Multidimensional mapping and unresolved methodological issues of domestic urban studies (application to settlement systems of the South of the Russian Far East). *Spatial Economics*, 2025, 21(1): 84–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/se.2025.1.084-111>
46. Галиновская Е. А., Кичигин Н. В. Городская агломерация как правовая категория: постановка проблемы. *Журнал российского права*. 2020. № 8. С. 141–156. [Galinovskaya E. A., Kichigin N. V. Urban agglomeration as a legal category: Problem statement. *Journal of Russian Law*, 2020, (8): 141–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.100>
47. Шугрина Е. С. Модели управления российскими агломерациями. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018. № 2. С. 39–43. [Shugrina E. S. Models of Russian agglomerations management. *State Power and Local Self-government*, 2018, (2): 39–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrzcza>

48. Лисина Н. Л., Ушакова А. П., Баев В. Д. Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 2. С. 214–223. [Lisina N. L., Ushakova A. P., Baev V. D. Legislative basis for the development of agglomerations in the Kemerovo region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2023, 7(2): 214–223. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-214-223>
49. Миргородская Е. О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2017. Т. 19. № 4. С. 6–20. [Mirgorodskaya E. O. Assessment of the territorial and economic connection of cities in the agglomeration (the case of Big Rostov). *Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, 2017, 19(4): 6–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1>
50. Одицова А. В. Опорные населенные пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации. *Федерализм*. 2025. Т. 30. № 1. С. 52–70. [Odintsova A. V. Anchor settlements – new priority of spatial development of the Russian Federation. *Federalism*, 2025, 30(1): 52–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-52-70>
51. Маркварт Э., Безвербный В. А., Ситковский А. М. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей. In: Безвербный В. А., Белкин С. В., Блинов Г. Н. и др. *Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии*. М.: Дело, 2021. С. 63–93. [Markvart E., Bezverbny V. A., Sitkovsky A. M. Spatial compression of the territories of the Russian Federation: Concept, criteria, and indicators. In: Bezverbny V. A., Belkin S. V., Blinov G. N. et al. *Cities of the future: Spatial development, participatory governance, and creative industries*. Moscow: Delo, 2021, 63–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uensfm>
52. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем. *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. [Kuznetsova O. V. Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation. *Spatial Economics*, 2019, 15(4): 107–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
53. Кузнецова О. В., Дружинин А. Г. К новой стратегии пространственного развития России. *Проблемы прогнозирования*. 2024. № 4. С. 36–45. [Kuznetsova O. V., Druzhinin A. G. On a spatial development strategy for Russia. *Problemy Prognozirovaniya*, 2024, (4): 36–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45>
54. Заколюкина Е. С. Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории. *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 5. С. 79–95. [Zakolyukina E. S. Transport infrastructure as a factor in the territory's spatial development. *Problems of Territory's Development*, 2023, 27(5): 79–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.6>
55. Дробот Е. В., Ярикова Е. В. Факторы регионального развития России: влияние пространства и расстояний и возможности их нивелирования. *Экономические отношения*. 2019. Т. 9. № 3. С. 1775–1784. [Drobot E. V., Yarikova E. V. Factors of regional development of Russia: The influence of space and distance and the possibility of their leveling. *Journal of International Economic Affairs*, 2019, 9(3): 1775–1784. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40837>
56. Глигич-Золотарева М. В., Лукьянова Н. И. Развитие опорных населенных пунктов в контексте пространственного развития Российской Федерации. *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 4. С. 23–46. [Gligich-Zolotareva M. V., Lukyanova N. I. The development of stronghold settlements in the context of the spatial development of the Russian Federation. *Federalism*, 2024, 29(4): 23–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-4-23-46>
57. Евлампиева Е. В. Роль местного самоуправления в стратегическом планировании пространственного развития Российской Федерации. *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2025. Т. 21. № 1. С. 38–47. [Evlampieva E. V. The role of local government in strategic planning of spatial development of the Russian Federation. *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2025, 21(1): 38–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-1-38-47>
58. Рой О. М., Бичун В. С., Опорные населенные пункты в условиях новой пространственной стратегии России. *Муниципальная академия*. 2025. № 3. С. 81–89. [Roy O. M., Bichun V. S. Reference settlement in the context of Russia's new spatial strategy. *Municipal Academy*, 2025, (3): 81–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdpolu>
59. Секушина И. А. Возможности практического применения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов (на примере Европейского Севера России). *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023. Т. 26. № 2. С. 160–174. [Sekushina I. A. Practical application of methodological recommendations for identifying key settlements: A case study of the European North

- of Russia. *Sever i rynek: Formirovanie ekonomicheskogo porjadka*, 2023, 26(2): 160–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.011>
60. Орлов Е. В. Опорные населенные пункты: корректировка критериев отбора. *Управленческое консультирование*. 2025. № 6. С. 57–71. [Orlov E. V. Key settlements: Adjustment of selection criteria. *Administrative Consulting*, 2025, (6): 57–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syubi>
61. Сычева И. В., Сычева Н. А. Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов. *Проблемы развития территории*. 2024. Т. 28. № 5. С. 81–98. [Sycheva I. V., Sycheva N. A. Methodological aspects of extending the sustainable development principles to the objects of regional social infrastructure. *Problems of Territory's Development*, 2024, 28(5): 81–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.5.133.6>
62. Аитова Ю. С. Оценка развития социальной инфраструктуры в регионах Российской Федерации с позиции воспроизводства человеческого капитала. *Вестник Евразийской науки*. 2020. Т. 12. № 4. [Aitova Yu. S. The assessment of social infrastructure development in the regions of Russian Federation from the standpoint of human capital reproduction. *The Eurasian Scientific Journal*, 2020, 12(4). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gnxlhj>
63. Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации. *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 7. С. 174–187. [Shpakovskiy Yu. G., Zhavoronkova N. G. Environmental safety of sustainable development: Strategy and implementation mechanisms. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, 19(7): 174–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.164.7.174-187>
64. Артемова Е. И., Плотникова Е. В., Литра Е. Н. Опорные населенные пункты как институт комплексного развития сельских территорий. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2025. № 2. С. 169–173. [Artemova E. I., Plotnikova E. V., Litra E. N. Support settlements as an institute of complex development of rural areas. *International Agricultural Journal*, 2025, (2): 169–173. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_2_169
65. Ильин В. А., Морев М. В. Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 1. С. 9–40. [Ilyin V. A., Morev M. V. The Russian Federation in the first quarter of the 21st century. The president has set tasks until 2030. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2024, 17(1): 9–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.1>
66. Виленский А. В. Опорные населенные пункты в пространственном развитии РФ: разнообразие функций и задач. *Вестник Российской академии естественных наук*. 2025. Т. 25. № 2. С. 76–84. [Vilenskiy A. V. Key settlements in the spatial development of the Russian Federation: Diversity of functions and tasks. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2025, 25(2): 76–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2025-25-2-76-84>
67. Kuznetsova O. V. Settlement transformation and the problems of its adequate consideration in the spatial development strategy. *Population and Economics*, 2019, 3(1): 53–62. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34777>
68. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа. *Крестьяноведение*. 2024. Т. 9. № 2. С. 153–179. [Kartseva M. A., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Yu. F. Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. *Peasant Studies*, 2024, 9(2): 153–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179>
69. Липчанская М. А., Паламарчук С. А. Цифровое неравенство и цифровая трансформация в публичном управлении: эволюция понятия и критериев. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2025. № 2. С. 38–42. [Lipchanskaya M. A., Palamarchuk S. A. Digital divide and digital transformation in public governance: Evolution of the concept and criteria. *State Power and Local Self-government*, 2025, (2): 38–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-2-38-42>
70. Липчанская М. А., Шиндина А. В. Особенности цифровой трансформации сельских муниципалитетов: конституционно-правовое исследование. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2025. № 55. С. 66–77. [Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Features of digital transformation of rural municipalities: A constitutional and legal study. *Tomsk State University Journal of Law*, 2025, (55): 66–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22253513/55/6>
71. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития России – 2030: новации и перспективные направления исследований. *Вестник Российской академии наук*. 2025. № 2. С. 12–21. [Kuznetsova O. V. Spatial

- development strategy of Russia – 2030: Novations and promising research areas. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2025, (2): 12–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S3034520025020023>
72. Липчанская М. А., Чаннов С. Е., Чурикова А. Ю., Шиндина А. В. Институт местного самоуправления в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: правовые аспекты. М.: Проспект, 2024. 160 с. [Lipchanskaya M. A., Channov S. E., Churikova A. Yu., Shindina A. V. *Institute of local self-government in the Russian Federation in the context of digital transformation: Legal aspects*. Moscow: Prospect, 2024, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/icqfdy>
73. Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации. *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140. [Kabyshev S. V. Conceptual issues of improving legislation on science and scientific and technological development in the Russian Federation. *Lex Russica*, 2025, 78(2): 130–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140>
74. Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 1. С. 241–243. [Sobko R. V. Humanities education in the context of post-truth: Problems and strategies. *Iuridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2024, (1): 241–243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgbtfs>
75. Гринёв А. В. Проблемы наукометрии и ее пригодность для управления научной деятельностью в современной России. *Управленческие науки*. 2024. Т. 14. № 1. С. 117–132. [Grinev A. V. Problems of scientometrics and its suitability for management scientific activity in modern Russia. *Management Sciences*, 2024, 14(1): 117–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2024-14-1-117-132>
76. Вахруков Д. С. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. *Вестник Российской академии наук*. 2025. № 2. С. 3–11. [Vakhrukov D. S. Strategy development strategy of the Russian Federation up to 2030 with a forecast up to 2036. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2025, (2): 3–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S3034520025020013>
77. Лисина Н. Л., Ушакова А. П. Как обеспечить согласованность документов территориального планирования: лучшие практики российских городских агломераций. *Lex Russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 70–82. [Lisina N. L., Ushakova A. P. How to ensure the consistency of territorial planning documents: Best practices of Russian urban agglomerations. *Lex Russica*, 2024, 77(2): 70–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.207.2.070-082>
78. Диденко А. Н. Населенные пункты и муниципальные образования в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года и в перспективе до 2036 года. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2025. № 9. С. 13–16. [Didenko A. N. Populated areas and municipalities in the strategy for spatial development of the Russian Federation until 2030 and in the future until 2036. *State Power and Local Self-government*, 2025, (9): 13–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-9-13-16>
79. Левченков А. В. Практика управления агломерационными образованиями за рубежом. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2021. № 1. С. 27–41. [Levchenkov A. V. Management practices of agglomerations abroad. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Estestvennye i meditsinskie nauki*, 2021, (1): 27–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fifdcx>
80. Шайхуллин М. С. Об актуальности исследования конституционно-правового регулирования пространственного развития в Российской Федерации. *Право и государственность*. 2024. № 1. С. 27–32. [Shaikhullin M. S. On the relevance of the study of constitutional and legal regulation of spatial development in the Russian Federation. *Law and Statehood*, 2024, (1): 27–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhprfv>
81. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России. *Журнал российского права*. 2020. № 5. С. 5–22. [Chernogor N. N., Emelyanov A. S. Spatial and legal matrix of modern Russia. *Journal of Russian Law*, 2020, (5): 5–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.051>
82. Рапопорт Б. Л. Политические вызовы России: история и современность. *Блокнот гражданского просвещения*. 2025. № 2. С. 45–58. [Raporort B. L. Political challenges of Russia: History and modernity. *Bloknot grazhdanskogo prosveshcheniia*, 2025, (2): 45–58. (In Russ.)]